

В полдень Цинь Фэн, неся на спине корзину и держа в руках плетеную ёмкость, принесла обед. После еды Цинь Ян отправился домой с корзиной батата, а Цзян Юй и Цинь Фэн перешли на кукурузное поле, чтобы собрать кукурузу.

Весь день был наполнен работой. Цинь Ян едва успел до наступления темноты перенести весь батат домой. Цинь Фэн и Цзян Юй за полдня собрали кукурузу с одного участка, собрали небольшой мешочек стручковой фасоли и огромные, как тарелки, головки подсолнухов. Стебли сои они вырвали с корнем и оставили на открытом месте сушиться на солнце, а затем, расстелив мешки, выбивали из них бобы.

Праздник середины осени наступил в мгновение ока. В этот день Цинь Ян вместе с Цзян Юй быстро собрали кукурузу с двух участков, вырвали стебли сои и оставили их сушиться на поле, срезали головки подсолнухов. Работа продолжалась до заката, после чего Цинь Ян быстро сложил кукурузу с нескольких участков в мешки и оставил их у края поля, поручив Сяо Хэю сторожить урожай, а сам вместе с Цзян Юй отправился домой праздновать.

Когда они вернулись, бабушка Цинь и семья Цинь Вэйго уже сидели за столом во дворе, щелкая семечки и кушая лунные пряники. Вся семья смеялась и веселилась. Цинь Фэн и отец Цинь молча сидели под навесом, словно две разные группы людей. Хотя и были одной семьей, но казались чужими друг другу.

Как только Цинь Ян и Цзян Юй вошли во двор, Цинь Фэн радостно подбежала к ним, взяла их за руки и повела ужинать. Отец Цинь, взволнованный, выпрямился и с удовольствием пригласил их за стол.

Увидев Цинь Яна, дедушка Цинь встал, подошел к нему и, взяв за руку, пригласил их попробовать лунные пряники. Эти слова мгновенно прервали смех и разговоры за столом, и все присутствующие молча уставились на них.

— Дедушка, не беспокойся о нас, у нас тоже есть лунные пряники. Мы поедим, а потом попробуем, — сказал Цинь Ян, бросив взгляд на людей за спиной дедушки, и вдруг с неоднозначной улыбкой добавил:

— Кстати, я купил еще фруктовых конфет и фруктов. Вы, наверное, не покупали? Может, возьмете попробовать?

Эти слова сразу же вызвали странные выражения на лицах присутствующих. Чжан Баочжэнь с презрением, но с долей зависти посмотрела на него, Цинь Вэйго с каменным лицом пил воду, а Цинь Лэй и Цинь Синь с жадностью стали тормошить бабушку, чтобы она пошла за конфетами.

— Эй, только что поели, куда еще конфеты? У меня зубы плохие, я и так сладкое не ем, — не дожидаясь, пока бабушка попросит у Цинь Яна, дедушка с улыбкой похлопал его по плечу. — Ладно, ладно, не переживай о нас. Иди ужинай, тебе еще много работы предстоит.

— Я еще купил вина, дедушка, может, выпьем по паре рюмок? — Цинь Ян с улыбкой посмотрел на добродушного старика.

— Давай, я давно не пил, — дедушка, услышав о вине, сразу же загорелся и позволил Цинь Яну усадить себя за стол.

— Старый пьяница, не пей много! — крикнула бабушка, но тут же с улыбкой обратилась к Цинь Яну. — Где конфеты? Я возьму немного.

Цинь Ян же, как будто не услышав, обратился к Цзян Юй, который подбирал упавшую еду:

— Не бери, что упало на землю, это негигиенично, живот заболит.

— Но... но это ведь большой кусок мяса, — Цзян Юй с сожалением смотрел на еду, задумчиво покусывая палочки для еды.

— Здесь еще много, ешь это, — Цинь Ян с улыбкой положил ему еду в тарелку, словно случайно проигнорировав слова бабушки.

Бабушка, чувствуя неловкость и раздражение, все же терпеливо повторила свою просьбу. Цинь Ян наконец услышал ее и спокойно сказал Цинь Фэн:

— Принеси конфет для братьев.

— Ладно, — Цинь Фэн надула губы и неохотно вошла в дом, через мгновение вынесла горсть конфет и передав их бабушке, после чего вернулась под навес ужинать.

Бабушка, глядя на шесть конфет в руке, недовольно фыркнула, словно упрекая Цинь Фэн в скупости, и раздала их внукам.

Чжан Баочжэнь, несмотря на свое презрительное выражение лица, не стала мешать сыновьям, которые с жадностью разворачивали обертки.

Ужин был обильным. Они зарезали домашнюю курицу, приготовили яйца от двух молодых несушек, нарезали и приготовили вяленое мясо, которое после варки и тушения получилось очень вкусным. Цинь Фэн также приготовила закуску из соевых бобов, собранных накануне, и сварила суп из квашеной капусты с картофелем, что вызвало аппетит у всех.

За столом сидели три поколения: бабушка, отец и Цинь Ян. Они выпили за примирение, и благодаря раскаянию отца все обиды были забыты. Они смеялись, ели и пили. Вино было крепким, и после того, как две бутылки опустели, на лицах всех троих появился румянец. Цинь Ян оставался трезвым, а бабушка и отец начали говорить громче, словно их язык заплетался. Цинь Фэн убрала еду и вместе с Цзян Юй вынесла на стол лунные пряники, фрукты, конфеты и закуски. После того как они зажгли благовония в честь луны, они начали щелкать семечки и есть фрукты.

Цинь Лэй и Цинь Синь сидели напротив, слюняво глядя на все эти вкусности.

Бабушка не стал звать их за стол, ведь в детстве Цинь Ян и Цинь Фэн точно так же сидели у дверей дома Цинь Вэйго, но ни разу не получили ничего из рук Чжан Баочжэнь.

Цинь Ян терпеливо учил Цзян Юй чистить виноград, совершенно не замечая своих двоюродных братьев.

Через несколько мгновений из дома Цинь Вэйго раздался грозный окрик, и Цинь Лэй с Цинь Сином поспешили вернуться внутрь.

Луна постепенно смещалась на запад, еда была почти съедена, и пора было возвращаться на поле. Цинь Ян взял миску, положил в нее немного курицы и вяленого мяса для Сяо Хэя, дал Цзян Юй фрукты и конфеты, и, взяв его за руку, вышел из двора.

Ночной ветер слегка закружил голову Цинь Яна.

Он много работал днем, а теперь, после крепкого вина, ветер вызвал легкое недомогание.

Цинь Ян нахмурился, его шаги стали неуверенными. Цзян Юй, заметив это, взял его руку и положил себе на плечо, поддерживая Цинь Яна.

По дороге они встретили несколько односельчан, также направлявшихся на дамбу сторожить поля. Цинь Ян, собравшись с силами, шутил и смеялся вместе с ними, шагая под светом луны.

На поле Цинь Ян поставил миску с едой на землю для Сяо Хэя, забыв пересыпать ее в собачью миску, и пошел проверить кукурузу у края поля. Цзян Юй накормил Сяо Хэя и, посидев с ним, через несколько минут пошел искать Цинь Яна. Тот, уставший, сидел на земле, прислонившись к мешкам с кукурузой, и дремал.

Цзян Юй постоял рядом, а затем попытался поднять Цинь Яна и отвести его в хижину, но не смог сдвинуть его с места. Тогда он просто обнял Цинь Яна за шею, прижался к нему и уснул прямо на земле.

Через десять минут Сяо Хэй, наевшись, подошел и улегся у ног Цзян Юй, закрыв глаза.

Двое людей и собака мирно спали, прижавшись друг к другу.

Луна медленно смещалась на запад, освещая землю своим холодным светом. Всё вокруг затихло. Ночью Цинь Ян проснулся от холодного ветра. Он с головной болью потер виски и увидел, как Цзян Юй, свернувшись калачиком, старается прижаться к нему, чтобы согреться. Цинь Ян обнял его, долго смотрел на него при свете луны, а затем поцеловал в лоб. С трудом поднявшись, он попытался отнести Цзян Юй в хижину.

Как только он двинулся, Сяо Хэй тут же проснулся.

Собака радостно закружилась вокруг Цинь Яна, обнюхала его руку и лизнула.

Цинь Ян улыбнулся, погладил Сяо Хэя и, держа Цзян Юй на руках, неуверенно направился в хижину.

Сбор урожая всегда был тяжелым и утомительным. Цинь Ян, Цинь Фэн и Цзян Юй потратили два дня на сбор кукурузы с четырех участков. Собрать кукурузу было легко, но доставить ее домой оказалось сложнее. Вес урожая с четырех участков составлял почти 900 килограммов, не считая подсолнухов, сои и фасоли. Цинь Ян в одиночку таскал тяжелые корзины, каждая из которых весила около 60 килограммов. Даже самый сильный человек не выдержал бы таких нагрузок.

Видя, как тяжело Цинь Яну, Цзян Юй и Цинь Фэн предложили помочь, но он отказался. В такую жару они провели два дня в кукурузных полях, их шеи были исцарапаны листьями кукурузы, а руки и шеи покрыты красными волдырями от укусов насекомых. Цинь Ян не хотел, чтобы они страдали еще больше.